



Кластерная стратегия повышения конкурентоспособности национальной экономики как институциональная предпосылка привлечения частного капитала в экономику России

Донцова О.И.¹, Засько В.Н.²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ:

На путях рыночных преобразований российская экономика прошла ряд знаковых этапов своего развития. За это время сформировалась ориентированная на конъюнктуру мировых цен на энергоносители модель экономики, потенциал которой практически исчерпан. В работе предлагается гипотетическая модель трансформации экономики, в основу которой ложатся институциональные преобразования: развитие гражданских институтов, финансовой системы и стимуляция конкуренции на товарных рынках с целью повышения их эффективности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кластер, конкурентоспособность, конкурентная среда, кластерная стратегия.

The cluster strategy for improving the competitiveness of the national economy as an institutional prerequisite for attracting private capital in the Russian economy

Dontsova O.I.¹, Zasko V.N.¹

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation - Lipetsk branch, Russia

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Введение

Без малого четверть столетия назад в Российской Федерации начались фундаментальные преобразования, коснувшиеся практически всех жизненных укладов нашего народа. Началось крушение экономических, политических, психологических императивов. Перед страной встали объективные проблемы трансформации политической системы (переформатирование однопартийной социалистической системы в многопартийную демократическую), проблемы трансформации находящейся в системном кризисе плановой модели экономики в рыноч-

ную, проблемы психологической трансформации поведения населения в условиях распада одной из ключевых в мировой geopolитике стран.

Институциональные проблемы российской экономики

Трансформация экономической модели сопровождалась значительным сопротивлением со стороны ряда факторов, что отразилось на темпах роста ВВП.

Пожалуй, ключевым фактором, повлекшим за собой коллапс российской экономики в начале 90-х гг. стала психологическая неготовность людей принять изменения и адаптироваться к ним. Исходя из этого значительное количество экономически активного населения оказалось за «чертой действительности»¹ и продолжало работать по укладам социалистической системы [11] (*Nararetyan, 2003*).

Психологическая неготовность большей части населения к экономическим преобразованиям, в совокупности с «шоковой терапией», проводимой правительством, разбалансировали финансовую и правовую системы России. А отсутствие функционирующих институтов гражданского общества позволило группе приближенных к правительственный кругам и обладающих преимуществами информационной асимметрии предпринимателей выделиться в фактически управляющий страной класс, который получил определение «олигархия».

¹ Более подробно с проблемами психологической адаптации населения в условиях трансформации отечественной экономики начала 90-х гг. можно ознакомится в работах психологической школы МГУ им. М.В. Ломоносова.

ABSTRACT:

On the way of market reforms, the Russian economy has passed a number of significant stages of its development. During this time, a model of the economy focused on the world energy prices has been formed, the potential of which is almost exhausted. The paper proposes a hypothetical model of economic transformation, which is based on institutional reforms: the development of civil institutions, the financial system and the stimulation of competition in the commodity markets in order to improve their efficiency.

KEYWORDS: cluster, competitiveness, competitive environment, cluster strategy.

JEL Classification: E02, D40, H00

Received: 19.03.2018 / **Published:** 31.05.2018

© Author(s) / Publication: CREATIVE ECONOMY Publishers
For correspondence: Dontsova O.I. (OIDontsova@fa.ru)

CITATION:

Dontsova O.I., Zasko V.N. (2018) Klasternaya strategiya povysheniya konkurentosposobnosti natsionalnoy ekonomiki kak institutsiynaya predposylka privlecheniya chastnogo kapitala v ekonomiku Rossii [The cluster strategy for improving the competitiveness of the national economy as an institutional prerequisite for attracting private capital in the Russian economy]. Rossiyskoe predprinimatelstvo. 19. [5]. – 1377-1390. doi: [10.18334/rp.19.5.39051](https://doi.org/10.18334/rp.19.5.39051)

В период с 1991 по 1999 годы в России формируются предпринимательские группы, являющиеся локомотивом национальной экономики. Данные группы формируются, главным образом, вокруг добычи сырьевых ресурсов, в частности нефти. Значительное влияние в экономической и общественной жизни страны получают нефтяные компании: «ЛУКойл», «ЮКОС», «Сибнефть», «ТНК», металлургические компании: «Русский алюминий», «Северсталь», «Евразхолдинг» и другие.

Характерными для данного периода были фактическое отсутствие гражданских институтов, которые могли бы защитить формирующиеся права частной собственности, высокий уровень коррупции и нарастающее силовое давление на бизнес. Ответной реакцией на слабость государства стало появление неформального института «силового предпринимательства» [3] (Volkov, 2002). Роль крупных компаний и их собственников в экономической и политической сфере максимально выросла.

В трансформационный период с 1991 по 1999 годы наблюдалась рецессия российской экономики. Экономический рост, как результат комплексного воздействия антикризисных реформ, девальвации рубля и самое важное – роста мировых цен на энергоносители, начался в 2000 году и продолжался вплоть до мирового финансового кризиса 2008 года (рис. 1).

Следующий период развития российской экономики, который продолжается по сей день, можно отмерить с 2000 года – начала президентства В. Путина. Этот период характеризуется существенным усилением роли государства в экономике. Происходит борьба между набравшими силу в 90-х годах олигархическими группами с новой элитой, представляющей государство. Государство существенно укрепляет правоохранительные органы, что фактически свело на нет влияние института «силового предпринимательства». Изменяется баланс сил в отношениях государства и крупного бизнеса, что влечет за собой необходимость трансформации бизнес-модели локомотивов экономического роста. Пожалуй, знаковым моментом, обозначившим окончательную победу государства над бизнесом, стало «дело «ЮКОСА»: крупный бизнес потерпел поражение и вынужден был частично свернуть свою активность ввиду увеличения политических рисков.

На данном этапе локомотивами роста российской экономики стали крупные государственные предприятия – «Газпром», «Роснефть» в нефтегазовом секторе,

ОБ АВТОРАХ:

Донцова Олеся Игоревна, доцент Департамента экономической теории, кандидат экономических наук, доцент (OIDontsova@fa.ru)

Засько Вадим Николаевич, заместитель заведующего кафедрой проблем рынка и хозяйственного механизма, доцент, доктор экономических наук (Vadim_zasko4@mail.ru)

ЦИТИРОВАТЬ СТАТЬЮ:

Донцова О.И., Засько В.Н. Кластерная стратегия повышения конкурентоспособности национальной экономики как институциональная предпосылка привлечения частного капитала в экономику России // Российское предпринимательство. – 2018. – Том 19. – № 5. – С. 1377-1390. doi: [10.18334/gr.19.5.39051](https://doi.org/10.18334/gr.19.5.39051)

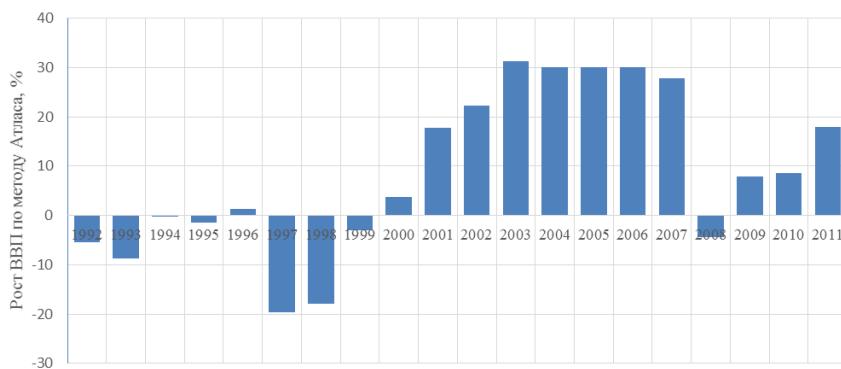


Рисунок 1. Динамика темпов роста ВВП России рассчитанного по методу Атласа
 Источник: Мировой банк

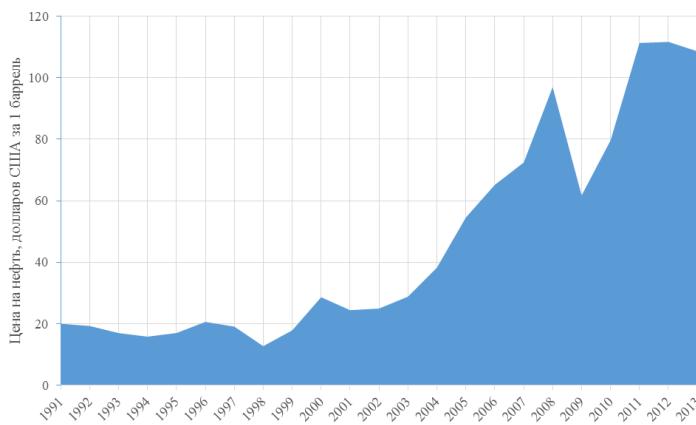


Рисунок 2. Цена на нефть марки Brent на условия поставки FOB Европа (spot)
 Источник: U.S. Energy Information Administration

«Сбербанк», «ВТБ» в финансовой отрасли. Были созданы крупные госкорпорации: «Внешэкономбанк», «Роснанотех», «Ростехнологии», «Росатом» и другие.

В период с 2000 по 2008 годы основным драйвером бурного роста российской экономики стал рост мировых цен на энергоносители, который смог в полной мере компенсировать потери от снижения деловой активности крупных частных корпораций, а в последствии и возобновить её (рис. 2).

Высокие цены на энергоносители позволили государству начать весьма эффективный восстановительный рост экономики. Нефтегазовые доходы, направленные в национальную экономику посредством государственных инвестиций, позволили повысить внутренний спрос, что в конечном итоге выразилось в росте благососто-

яния граждан России. Так, в 1998 году ВВП на душу населения в России составил 5,5 тыс. долларов США (абсолютный минимум), в последний полный год существования СССР (1990 г.) аналогичный показатель составил 9,5 тыс. В 2008 году ВВП на душу населения России по паритету покупательской способности (ППС) составил 20,3 тыс. долларов США.

Вместе с положительными моментами восстановления российской экономики в период с 2000 по 2013 годы хочется отметить, что уровень ВВП на душу населения (по ППС) России не достиг уровня аналогичного показателя стран с развитой экономикой, и величина отставания всё еще заметно велика (*рис. 3*). В 2012 году ВВП на душу населения России составил 69% от ВВП Европейского Союза и только 45,6% от ВВП США.

За время проведения экономических преобразований российской экономики не было достигнуто, возможно, основной цели – не были сформированы эффективно функционирующие гражданские институты. Также не была повышена эффективность экономики и сохранилась сырьевая модель развития.

Высокие темпы роста российской экономики в 2000-2008 годах объясняются во многом значительным отставанием и коллапсом экономики в начале фазы подъема [4] (*Guriev, Kachins, Oslund, 2011*), что существенно облегчает темпы дальнейшего роста.

Уже упоминавшееся ранее «дело ЮКОСа» фактически послужило толчком к трансформации силового давления на бизнес. Бюрократический аппарат и сотрудники правоохранительных органов среднего звена усилили оппортунистическое давление на малый и средний бизнес [19] (*Firestone, 2010*). В отечественной бизнес-среде укоренился неформальный институт оппортунистического протекционизма право-

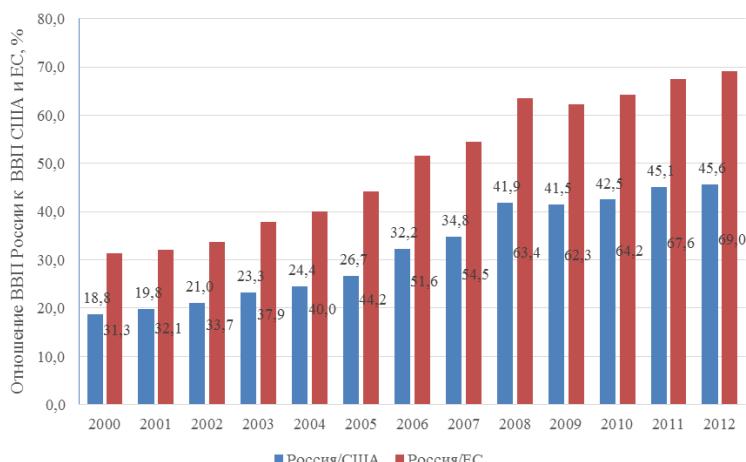


Рисунок 3. Динамика сопоставимого ВВП России, ЕС и США в период с 2000 по 2012 годы
Источник: Мировой банк.

охранительных органов и региональной бюрократии над частным бизнесом. Малый и средний бизнес вынужден заключать неформальные контракты с чиновниками от государства с целью обезопасить свои проекты от силового давления. Коррупционная составляющая закладывается в себестоимость продукции и снижает привлекательность ведения бизнеса в России [16] (*Yakovlev, Sobolev, Kazin, 2014*).

В настоящий момент в России сложилось мощное лобби, тормозящее проведение институциональных реформ. Основу данного лобби составляют государственные корпорации и аффилированный с ними бюрократический аппарат. Причиной торможения модернизации экономики является оппортунистическое поведение государственного аппарата, которое выражается в нежелании отказываться от ресурсной ренты, развивать равнодоступную для всех экономических агентов финансовую систему и строить эффективные гражданские институты [5, 17] (*Guriev, Plekhanov, Sonin, 2009*).

Правительством России была взята стратегия модернизации экономики, основой которой должен стать переход от сырьевой модели роста к инновационной. Целевыми ориентирами являются рост ВВП на душу населения и производительности труда. Преимуществами России в проведении модернизации являются низкий уровень суверенного долга (что особенно актуально в свете проблем с долгом у многих стран, в том числе и с развитой экономикой), высокий уровень экономической активности и относительно высокий уровень образования населения. Вместе с этим ОЭСР в своем докладе отмечает такие проблемы российской экономики, как низкий уровень производительности, невысокий уровень использования современных технологий, крайняя слабость институтов и высокая коррупция¹.

В проводимых ранее исследованиях был выявлен ряд факторов, оказывающих прямое влияние на развитие инноваций. Это, в первую очередь, интенсивность и развитие конкуренции в бизнес среде, доступ на международный рынок технологий и степень развития финансовой системы. При этом выявлена прямая связь между степенью развития гражданских институтов в стране и уровнем развития инноваций [2] (*Baranov, Dolgopyatova, 2013*).

В таблице приведены данные относительно изменения конкурентной среды в отраслях российской экономики за последние 3 года. Как мы видим, конкурентная среда улучшалась во всех отраслях, кроме добычи и переработки нефти, а также металлургии.

Положительные изменения в конкурентной среде России просматриваются, но в рейтинге конкурентоспособности Всемирного экономического форума позиции все еще далеки от идеальных. Так, в рейтинге 2016-2017 гг. Россия занимала 43 позицию, в 2015-2016 гг. – 45 позицию.

Согласно методике расчета конкурентоспособности WEF, проблемными местами конкурентоспособности российской экономики являются качество институтов,

¹ В Глобальном инновационном индексе (Global Innovation Index) в 2013 году Россия занимала всего лишь 62 место. ОЭСР, 2013.

Таблица
Анализ изменений конкурентной среды в отраслях российской экономики

Отрасль	Данные опроса			Десятичный логарифм данных опроса		
	2015	2016	2017	2015	2016	2017
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	27	25	21	1,43	1,40	1,32
Обрабатывающие производства	17	18	22	1,23	1,26	1,34
Производство пищевых продуктов, в т.ч. напитки и табак	14	18	21	1,15	1,26	1,32
Текстильное и швейное производство	15	17	24	1,18	1,23	1,38
Обработка древесины и производство изделий из дерева	18	22	26	1,26	1,34	1,41
Целлюлозно-бумажное производство, изательская и полиграфическая деятельность	15	18	23	1,18	1,26	1,36
Производство кокса и нефтепродуктов	27	11	29	1,43	1,04	1,46
Химическое производство	14	18	20	1,15	1,26	1,30
Производство резиновых и пластмассовых изделий	18	20	24	1,26	1,30	1,38
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	21	17	21	1,32	1,23	1,32
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	23	24	21	1,36	1,38	1,32
Производство машин и оборудования (без оружия и боеприпасов)	16	19	21	1,20	1,28	1,32
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	16	19	19	1,20	1,28	1,28
Производство транспортных средств и оборудования	12	14	21	1,08	1,15	1,32
Прочие производства	19	17	24	1,28	1,23	1,38
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	12	14	21	1,08	1,15	1,32

Источник: ФАС.

эффективность рынка товаров и услуг, финансовая система и конкурентоспособность компаний.

Существующая модель развития российской экономики предполагает решение обозначенных выше проблем за счет масштабных государственных инвестиций, которые должны послужить импульсом для активизации частного бизнеса в приоритетных направлениях. Правительством выбраны кластеры приоритетного развития, в которые осуществляется инвестирование средств, полученных преимущественно от

доходов нефтегазового сектора. Выглядящая как весьма привлекательная и работающая модель развития страны имеет одну важную деталь. На сегодняшний день под большим вопросом находится потенциал дальнейшего роста цен на нефть, а цены на газ с момента «сланцевой революции» в США имеют тенденцию к снижению [10] (*Melnikova, Sorokin, 2013*).

Помимо этого, в российской экономике наблюдается феномен опережения темпов роста заработной платы над темпами роста ВВП и низкий уровень инвестиций [9] (*Mai, 2014*). Показатели и характер экономического развития страны указывает на то, что Россия сегодня попала в «ловушку среднего дохода», для которой характерны высокая стоимость рабочей силы и низкое качество институтов.

Исследования, проведенные в НИУ ВШЭ, показывают, что государственные инвестиции в России не оказывают желаемого эффекта на прирост частных инвестиций. Причиной этого является отсутствие эффективно функционирующей институциональной среды. Без институциональных преобразований крупные государственные проекты, такие как ЧМ по футболу, могут повысить частные инвестиции лишь в краткосрочном периоде. В дальнейшем же деловая активность вновь будет снижаться [1] (*Akindinova, Kuzminov, Yasin, 2014*).

Таким образом, российская экономика подошла к моменту, когда существующие драйверы роста не могут в полной мере обеспечить достижение поставленных целей. Повышение производительности и эффективности российской экономики представляется возможным только за счет активации частного бизнеса и инвестирования частного капитала в экономику. Инвестирование частного капитала в российскую экономику может рассматриваться как следствие улучшения общего институционального климата и интенсификации свободной конкуренции, а также утверждения новых для нашей страны норм «открытого общества» [12] (*Nort, Uollis, Vayngast, 2011*).

Институциональная модель оптимизации российской экономики

Согласно дедуктивно-номологической модели К. Поппера, одним из элементов принятия инвестиционного решения является состояние исходных условий. Инвестор стремится принять решение с наименьшей степенью неопределенности и максимально защитить свой капитал. В рыночной экономике степень защищенности капитала инвестора определяется поведением ряда агентов, которые в своей совокупности формируют среду, в которой принимается то или иное решение.

В условиях, когда в руках определенных экономических агентов сосредоточена значительная и неограниченная власть, а их поведение не исключает возникновения рисков для капитала, инвестор будет склонен ограничить вложение средств, а индивид будет стремиться найти работу в среде, имеющей контроль над поведением экономических агентов [18] (*Acemoglu, 2003*).

Для контроля экономических агентов Д. Норт предлагает выполнить такие условия, как верховенство права для контролирующих власть экономических агентов и

бессрочно действующие организации в частной сфере [12] (*Nort, Uollis, Vayngast, 2011*). Под такими организациями подразумеваются частные корпорации и политические партии.

Применительно к российским условиям, действие гражданских институтов должно в первую очередь решить проблему коррупции, которая является одним из краеугольных барьеров на пути развития таких важных элементов развития экономики, как финансовая система, инновации и конкуренция.

Исследования Шлейфера и Кауфмана показали, что чем больше регулирующих, надзорных и администрирующих полномочий (дискреционной власти) сосредоточено в руках экономических агентов, тем большая вероятность возникновения оппортунистического поведения со стороны последних. А условия, когда концентрация дискреционной власти совпадает с возможностью присвоения экономической ренты, ведут непосредственно к прогрессированию коррупции со всеми вытекающими из неё экономическими последствиями [20] (*Johnson, Kaufman, Shleifer, 1997*).

Принимая во внимание вышеперечисленное, институциональную модель российской экономики, к которой целесообразно стремиться, можно описать следующим образом.

Основой модели предлагается сделать частную собственность и свободное предпринимательство, защиту которого должны обеспечивать институт права, институт общественного контроля власти и правоохранительные органы.

Для обеспечения частного бизнеса необходимым для инновационного развития количеством инвестиций нужна качественная работа института финансирования.

Максимальное вовлечение частного бизнеса в экономические процессы возможно только при наличии либеральной финансовой системы, которая будет предоставлять доступ к капиталу с минимальными ограничениями [6] (*Dontsova, Zasko, 2017*).

Предоставление доступа к капиталу посредством либерализации финансовой системы позволит создать благоприятные условия для активного малого и среднего бизнеса. Также наличие либеральной финансовой системы должно обеспечить более выгодное для национальной экономики перераспределение природной ренты и повысить уровень эффективности экономики в целом посредством адекватной современной экономике процедуре банкротства [8] (*Matrizaev, 2017*).

Следующим концептуальным элементом институциональной модели российской экономики должна стать стимулирующая инновации конкуренция между экономическими агентами. Рост конкуренции при условии функционирования гражданских институтов и сильной финансовой системы должен привести к качественной трансформации экономики в сторону повышения эффективности [15] (*Terskaya, Pogodina, Chuvakhina, 2017*).

Наиболее значимым моментом реализации институциональных преобразований в России представляется необходимость побуждения к отказу экономических агентов, у которых сосредоточена дискреционная власть от присвоения ренты.

Первоначальная инициатива по отказу от присвоения ренты и, соответственно, старту институциональных преобразований должна исходить от высшего руководства страны. Стимулом к осуществлению реформ для руководства страны может стать риск потери власти в случае стагнации экономики и ухудшения уровня жизни населения. Причем риск потери власти может исходить как от демократических выборов (прозрачность которых необходимо обеспечить), так и от силового захвата власти при концентрации степени недовольства в обществе¹.

Реализация экономических реформ в России в качестве конечной цели ставит повышение ВВП на душу населения до уровня стран с развитой экономикой. Поскольку любое развитие экономики начинается с инвестиций, то чрезвычайно важным является создание благоприятных институциональных факторов для роста инвестиций в основной капитал по отношению к ВВП.

Посредством привлечения частного капитала в экономику показатель инвестиций в основной капитал необходимо довести до 30-35% от ВВП. При этом необходимо проводить политику стимулирования сбережений населения, которые предполагается трансформировать в инвестиции.

Рост сбережений населения представляется основным источником финансирования в приводимой модели российской экономики. Если сопоставить отношение чистых сбережений к валовому национальному доходу России и Китая, который развивает финансирование экономики за счет сбережений, и Сингапура, который на основе аналогичных механизмов вывел свою экономику в число развитых, то налицо значительное отставание².

Заключение

1. Для стимулирования увеличения сбережений в российской экономике можно использовать следующие способы:

Усиление позиций финансовой системы посредством направления на кредитование частного бизнеса части золотовалютных резервов (при этом видится принципиально важным кредитование именно частных проектов и проектов государственно-частного партнерства (ГЧП), а не крупных сырьевых корпораций, которые и без того имеют доступ к внутреннему и международному капиталу).

Повышение эффективности банковской системы и фондового рынка с целью привлечения частного капитала и дальнейшего его перераспределения в проекты развития.

Проведение стимулирующей монетарной политики Центрального банка. На сегодняшний день Центральный банк полностью не может влиять на денежную массу, а следовательно, и экономическую активность, посредством ставки рефинансирования.

¹ Примером может служить ситуация с государственным переворотом на Украине в 2014 году.

² Сравнивать текущие чистые сбережения России предлагается с аналогичными показателями Сингапура в конце 90-х гг., когда страна переходила из разряда развивающихся в разряд развитых экономик.

Проведение стимулирующей фискальной политики. Налоговая политика должна быть ориентирована на демотивацию публичного потребления. Здесь в качестве инструмента может быть использовано налогообложение операций с предметами роскоши, а также внедрение прогрессивной шкалы налогообложения. Также наряду с повышением фискального давления на элементы, стимулирующие потребление, целесообразно предоставлять льготы для инвестиционных проектов [14] (*Polterovich, 2009*). Следует сделать оговорку, что введение прогрессивной шкалы налогообложения должно сопровождаться повышением налоговой дисциплины населения, поскольку в условиях высокой тененизации экономики более эффективной будет плоская шкала [13] (*Orusova, 2015*).

Развитие программ ипотечного кредитования населения, которые зачастую стимулируют снижение текущего потребления и повышение сбережений, которые в дальнейшем становятся инвестициями в развитие.

2. В гипотетических условиях создания эффективных гражданских институтов и либеральной финансовой системы третья составляющая – проекты инновационного развития, куда должны направляться инвестиции, защиту которых призваны обеспечить гражданские институты.

3. Проводимые институциональные реформы своим результатом могут возыметь повышение конкурентоспособности национальной экономики. В качестве оптимальной стратегии повышения конкурентоспособности предлагается избрать кластерную, в которой приоритетные сектора группируются с целью интенсификации развития и обеспечения синергетического эффекта [7] (*Zhdanova, 2011*).

4. Кластерные стратегии подтвердили свою состоятельность и высокую эффективность во многих странах. Так, по данному пути управления промышленностью пошли США, ряд стран Европейского Союза, Сингапур и другие страны с развитой и развивающейся экономикой.

ИСТОЧНИКИ:

1. Акиндина Н., Кузьминов Я., Ясин Е. Российская экономика на повороте // Вопросы экономики. – 2014. – № 6.
2. Баранов А.Ю., Долгопятова Т.Г. Эмпирический анализ инновационного поведения фирм при различных институциональных условиях. // Препринт WP1 Институциональные проблемы российской экономики. Hse.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://wp.hse.ru/data/2013/04/18/1297831936/WP1_2013_02__18apr.pdf.
3. Волков В. Силовое предпринимательство, XXI век. Экономико-социологический анализ. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2002.
4. Гуриев С., Качинс Э, Ослунд А. Россия после кризиса. – М.: «Альпина Бизнес Букс», 2011.
5. Гуриев С., Плеханов А., Сонин К. Экономический механизм сырьевой модели развития // Вопросы экономики. – 2009. – № 3.

6. Донцова О.И., Засько В.Н. Влияние тенденций развития экономики на промышленные кластеры // Российское предпринимательство. – 2017. – № 6. – с. 887-893. – doi: 10.18334/gr.18.6.37718.
7. Жданова О.И. Кластерная стратегия управления промышленными предприятиями. / Монография. – М: Финансовый университет, 2011. – 151 с.
8. Матризаев Б.Д. NewNormal и макроэкономические проблемы устойчивого роста в новых условиях // Муниципальная академия. – 2017. – № 2. – с. 92-99.
9. May B. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 году // Вопросы экономики. – 2014. – № 2. – с. 4-32.
10. Мельникова С.И., Сорокин С.Н. Сланцевая революция» в США: внутренние и глобальные изменения на энергетических рынках // Экономический журнал. – 2013. – № 3.
11. Нараретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. – СПб: Питер, 2003.
12. Норт Д., Уоллис Д, Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М: Институт Гайдара, 2011. – 479 с.
13. Орусова О.В. Методы измерения теневой экономики и проблемы ее легализации // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 8-1(61-1). – с. 64-70.
14. Полтерович В. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. – 2009. – № 6. – с. 4-23.
15. Терская Г.А., Погодина Т.В., Чувахина Л.Г. Развитие инновационной сферы экономики: российский и зарубежный опыт. / Монография. – Москва, 2017. – 165 с.
16. Яковлев А.А., Соболев А.С., Казун А.П. Может ли российский бизнес ограничить «силовое давление» со стороны государства? Препринт WP1 Институциональные проблемы российской экономики. Hse.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2014/01/13/1340784149/WP1_2014_01_f.pdf.
17. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: Crown Publisher, 2012
18. Acemoglu D. Why Not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment and Politics // Journal of Comparative Economics. – 2003. – № 31.
19. Firestone T. Armed Injustice: Abuse of the Law and Complex Crime in Post-Soviet Russia // Denver Journal of International Law & Policy. – 2010. – № 38(4).
20. Johnson S., Kaufman D., Shleifer A. The Unofficial Economy in Transition // Brookings Papers on Economic Activity. – 1997. – № 28(2).

REFERENCES:

Acemoglu D. (2003). Why Not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment and Politics Journal of Comparative Economics. (31).

- Akindinova N., Kuzminov Ya., Yasin E. (2014). Rossiyskaya ekonomika na poverote [Russian economy at the turn]. Voprosy Ekonomiki. (6). (in Russian).
- Dontsova O.I., Zasko V.N. (2017). Vliyanie tendentsiy razvitiya ekonomiki na promyshlennye klastery [Impact of economic development trends on industrial clusters]. Russian Journal of Entrepreneurship. 18 (6). 887-893. (in Russian). doi: 10.18334/rp.18.6.37718.
- Firestone T. (2010). Armed Injustice: Abuse of the Law and Complex Crime in Post-Soviet Russia Denver Journal of International Law & Policy. (38(4)).
- Guriev S., Kachins E, Oslund A. (2011). Rossiya posle krizisa [Russia after crisis] M.: Alpina Biznes Buks. (in Russian).
- Guriev S., Plekhanov A., Sonin K. (2009). Ekonomicheskiy mekhанизm syrevoy modeli razvitiya [Economic mechanism of raw material development model]. Voprosy Ekonomiki. (3). (in Russian).
- Johnson S., Kaufman D., Shleifer A. (1997). The Unofficial Economy in Transition Brookings Papers on Economic Activity. (28(2)).
- Matrizaev B.D. (2017). NewNormal i makroekonomicheskie problemy ustoychivogo rosta v novyh usloviyakh [New normal and macroeconomic problems of sustainable development in new conditions]. Munitsipalnaya akademiya. (2). 92-99. (in Russian).
- Mau V. (2014). V ozhidanii novoy modeli rosta: sotsialno-ekonomicheskoe razvitiye Rossii v 2013 godu [Waiting for a New Model of Growth: Russia's Social and Economic Development in 2013]. Voprosy Ekonomiki. (2). 4-32. (in Russian).
- Melnikova S.I., Sorokin S.N. (2013). Slantsevaya revolyutsiya» v SShA: vnutrennie i globalnye izmeneniya na energeticheskikh rynkakh [“Shale Gas Revolution” in U.S.: Internal and External Changes on Energy Markets]. Economic Journal. 17 (3). (in Russian).
- Nararetyan A.P. (2003). Agressivnaya tolpa, massovaya panika, slukhi. Lektsii po sotsialnoy i politicheskoy psikhologii [Aggressive crowd, mass panic, rumors. Lectures on social and political psychology] SPb.: Piter. (in Russian).
- Nort D., Uollis D, Vayngast B. (2011). Nasilie i sotsialnye poryadki. Kontseptualnye ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva [Violence and social order. A conceptual framework for interpreting recorded human history] M.: Institut Gaydara. (in Russian).
- Orusova O.V. (2015). Metody izmereniya tenevoy ekonomiki i problemy ee legalizatsii [Methods of measuring the shadow economy and the problems of its legalization]. Journal of Economy and Entrepreneurship. (8-1(61-1)). 64-70. (in Russian).
- Polterovich V. (2009). Gipoteza ob innovatsionnoy pauze i strategiya modernizatsii [The innovation pause hypothesis and modernization strategy]. Voprosy Ekonomiki. (6). 4-23. (in Russian).

- Terskaya G.A., Pogodina T.V., Chuvakhina L.G. (2017). Razvitie innovatsionnoy sfery ekonomiki: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt [Development of innovative sphere of economy: Russian and foreign experience] Moscow. (in Russian).
- Volkov V. (2002). Silovoe predprinimatelstvo, KhKhI vek. Ekonomiko-sotsiologicheskiy analiz [Violent entrepreneurship, twenty-first century. Economic and sociological analysis] SPb.: Izdatelstvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (in Russian).
- Zhdanova O.I. (2011). Klasternaya strategiya upravleniya promyshlennymi predpriyatiyami [Cluster strategy of industrial enterprises management] M.: Finansovyy universitet. (in Russian).